

Главы правительств стран Евросоюза, обсуждавшие в феврале 2009 года в Берлине совместные пути выхода из экономического кризиса, подчеркивали необходимость усиления регулирующей роли государства в экономике в современных условиях. Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель на брифинге по итогам встречи сказала, что все финансовые рынки и их участники должны регулироваться и находиться под постоянным наблюдением.

Правительство России, на мой взгляд, делает правильные шаги, направленные на увеличение доли государства в экономике страны. Влияние мирового экономического кризиса более четко обозначивает ключевые болевые точки и перекосы в отраслевой структуре экономики, в финансовой системе, в развитии инфраструктуры. Кризис показал слабую ориентированность бизнеса на задачи национального развития, низкую ответственность перед государством и обществом.

Государство сегодня имеет реальную возможность без социальных потрясений провести процесс национализации целого ряда отраслей экономики. Не для того, чтобы перейти к принципам госкапитализма, а для того, чтобы максимально безболезненно пройти этот период, привести отрасли в нормальное финансовое (а если удастся и в нормальное технологическое) состояние, а потом выставить их на рынок.

В целом, одной из главных проблем является согласование *субъектности* на уровнях государства, регионального руководства и предпринимателей, т.е. распределение полномочий прав и обязанностей в *реализации общенародных интересов, социальной справедливости*. На этом пути решающим является *вопрос о социальной ответственности*.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Стожко К.П.

Культура есть в первую очередь система *ценностей*, которая является основой общественного и личностного развития. Взятая в своем единстве, культура представляет собой определенную *целостность*, некий *ансамбль* конкретных ценностей, которые существуют

едино, интегрировано и взаимосвязано. Это означает, что вычленение одной из ценностей из общей целостности в определенном смысле содержит угрозу редукции самого понятия культуры и искажения наших представлений о закономерностях и тенденциях ее развития. Вместе с тем, в научном исследовании успешно используются метод восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, индукции и дедукции, которые позволяют, с одной стороны, избежать такого редукционизма, а, с другой стороны, сделать само исследование культуры как целостности (для этого используется специальный термин *система культуры*) вполне конкретизированным и праксиологичным.

Если мы обратимся к феномену социальной ответственности, то становится совершенно понятным ценностный его характер. Действительно, мы говорим о том, что такая ответственность нам *нужна*, даже *необходима*, что она *целесообразна* и *полезна*, что она, наконец, имеет *важное* значение для всего процесса развития личности и общества, для состояния культуры в целом. Это заставляет нас обратиться к проблеме социальной ответственности не только в ее *статичном* аспекте, но и в контексте ее *динамики*. Ключевым параметром такой социокультурной динамики феномена ответственности являются конкретные *тенденции* ее развития.

Проблема социальной ответственности особенно остро встала в 40-е годы XX века в связи с выходом книги Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», в которой авторы фактически сформулировали идею максимизации прибыли в условиях рисков. Они доказывали, что индивид как субъект хозяйственной деятельности, принимает решения, исходя исключительно из мотивов извлечения прибыли, наживы, обогащения. Но при этом он вынужден сравнивать вероятности положительного решения стоящей перед ним задачи и учитывать возможные последствия от своей деятельности. Индивид выбирает, по мнению авторов книги, только те альтернативы, где выше вероятность получить максимальную прибыль и минимизировать затраты. Такой подход и является проявлением ответственного отношения индивида к делу, а снижение риска и преодоление неопределенности есть лишь рабочие условия для формирования самой ответственности.

Однако в этой, казалось бы, стройной и логичной теоретической конструкции обнаруживается один существенный изъян: она не соответствует практике. На практике все обстоит с точностью наоборот:

чем выше риски – тем выше прибыль. Как говорится, «кто не рискует – тот не пьет шампанское». Любая букмекерская контора знает, что ставки тем выше, чем выше вероятность выигрыша (ниже риски), но вот выигрыш тем выше, чем выше риски и чем ниже ставки. Собственно, выигрыш и является разницей между высокими ставками, сделанными игроком на надежный фактор (например, во время забега на скачках) и низкими ставками на высокорисковый фактор. Чем выше будет эта разница, тем выше окажется и прибыль. Такова практика игры. Отсюда следует, что в погоне за максимальной прибылью игрок фактически принимает высокие риски, хотя в соответствии с теорией Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна, он, будучи ответственным, должен был бы сделать все возможное для снижения рисков.

Таким образом, сама идеология максимизации прибыли несет в себе угрозу недобросовестности и безответственности (*moral hazard*). Этот феномен впервые описали в 1972 г. экономисты А. Алчиан и Г. Демсец. Правда, они рассматривали безответственность на примере *отлынивания* субъекта от выполнения возложенных на него обязанностей. Но именно в этот момент и зародилась теория оппортунистического поведения, суть которой состоит в отказе со стороны субъекта (в данном случае, субъекта хозяйственной деятельности) от выполнения своих обязанностей и в его стремлении реализовать собственные интересы вопреки (в ущерб, за счет) интересов других субъектов. Проявлением такой безответственности (или, выражаясь языком экономистов и социологов, *оппортунизма*) в сфере хозяйственных отношений являются сегодня контрафакция, логрولлинг, промышленный шпионаж, контрабанда, рэкет, шантаж и т.д. Поскольку каждый из нас с момента своего появления на свет и до самой смерти является *apriori* субъектом экономических (хозяйственных) взаимосвязей (выступая в качестве потребителя, производителя, посредника, иждивенца и т.п.), то спектр подобных безответственных действий касается нас всех и находит свое проявление и во многих других сферах нашей жизнедеятельности. Безбилетный проезд в общественном транспорте, опоздания на работу или на свидание, грубость по отношению к подчиненным или даже близким людям, прямой обман клиента или недобросовестная реклама, – все это не просто проявления безответственности или оппозиции, но и доказательство абсурдности самой идеологии максимизации прибыли.

Основной тенденцией развития феномена ответственности сегодня является ужесточение борьбы между представителями двух ос-

новных социально-экономических идеологем: с одной стороны, это сторонники идеи *максимизации прибыли и минимизации затрат*; с другой стороны, это сторонники *оптимизации прибыли и затрат*. Сегодня именно *алчность*, которая порой приобретает самые извращенные формы, подобно раковой опухоли разъедает социальный организм – общество. Поэтому постепенный отход от идеи максимизации прибыли происходит с большим трудом, далеко не просто. Особенно в нашей стране, где процесс первоначального накопления капиталов еще далеко не завершен, а разница между доходами богатых и бедных просто вопиющая.

Рассмотрим две идеологемы, иллюстрирующие ответственное и безответственное отношение субъектов деятельности. Представим, что кто-то планирует свои будущие доходы (например, государственного или семейного бюджета) по максимуму, а расходы – по минимуму. В условиях рисков и неопределенности, которые тем выше, чем больший доход предполагается получить, вероятность фактического получения таких доходов, становится крайне мала. Это означает, что кто-то получил меньше доходов, чем планировал или вообще оказался в убытке. Учитывая, что этот кто-то связан различными отношениями (договорными, агентскими, межличностными и т.д.) с другими людьми, неправильное планирование доходов негативно скажется не только на самом виновнике, но и на тех, кто оказался так или иначе с ним связан. В этом и состоит суть безответственности самого субъекта (*игрока*, пользуясь экономической фразеологией). Ведь жизнь-то не игра, тем более – жизнь других людей.

Такое безответственное поведение моментально найдет свое проявление и в расходах субъекта. Если кто-то, планируя свои доходы по максимуму, рассчитал будущие расходы по минимуму, а потом, как говорится, «не вписался» в реальность и вынужден будет наращивать расходы вопреки первоначальному замыслу, то такая ситуация объективно приведет к кризису. Ведь незапланированные расходы все равно придется осуществлять, но вот брать их придется уже займы, в кредит под проценты, а это значит, что они обойдутся субъекту дороже, чем если бы он заранее их запланировал. «Скупой платит дважды», – гласит народная мудрость.

Теперь представим вторую ситуацию: кто-то спланировал доходы по минимуму, но приятно ошибся и получил больше доходов, чем предполагал. При этом он и расходы спланировал по максимуму, учитывая риски и неопределенности, и опять-таки просчитался: ему

пришлось потратить средств меньше, чем он предполагал. Как оценить такую ситуацию? Формально, субъект оказался плохим финансистом, но, по существу, он остался в выигрыше, т.е. оказался прекрасным экономистом. А произошло это потому, что субъект хозяйственной деятельности поступил ответственно: он минимизировал риски и *максимизировал свои обязательства*. Именно это и позволило ему, вопреки фундаментальным положениям современной теории рациональных ожиданий, добиться гораздо большего результата даже не рассчитывая на него!

Мораль данных рассуждений довольно проста: экономисты часто глубоко заблуждаются, сводя сущность социальной ответственности исключительно к экономическим понятиям или к функционалу. Рассматривать субъекта хозяйственной деятельности можно как на уровне отдельного индивида, так и на уровне *организации*. Сегодня существует великое множество теоретико-методологических *подходов* к анализу организации: ее рассматривают то, как адаптивную социальную систему, то с позиций популяционного – экологического (*population ecology of organization*), эволюционного, сетевого, политико-экономического, культурологического подходов¹. Но какой бы подход не использовался, постоянно обнаруживается, что феномен социальной ответственности (не важно, идет ли речь о социальной ответственности *homo economics* – человека экономического – субъекта хозяйственных отношений, или *homo civilium* – человека гражданского, анализируется ли эта ответственность личности перед обществом или человека перед самим собой), выходит далеко за рамки чисто прикладных характеристик.

В первую очередь, социальная ответственность должна быть связана с умением и желанием осуществлять *координацию* (корреляцию) своих интересов и своего поведения с интересами и поведением *других участников* системы социальных отношений. Современные исследователи даже полагают, что такая координация (корреляция) может быть успешной, если она осуществляется не анонимно (безличностно), *a face-to-face*, т.е. лицом к лицу, через близкое общение (взаимодействие). Так, профессор Сорбонны Стефан Соссье вообще полагает, что в условиях современной рыночной экономики «знание партнера по сделке становится *ключевым моментом*»². Общий же лейтмотив анализа современного состояния социальной ответвен-

---

¹ См.: Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005. С.254-267.

² Цит. по: Институциональная экономика / Под ред. А.Олейника. М., 2005. С.153.

ности личности состоит в следующем: обезличивание, отчуждение субъектов социальных взаимосвязей друг от друга только мешают формированию эффективной системы социальной ответственности в обществе.

К сожалению, именно такое обезличивание и отчуждение происходит во многих сферах жизнедеятельности современного российского общества. Чтобы не быть голословными и не впасть в одно-сторонность (выявляя характеристики предмета нашего исследования только в сфере хозяйственной практики), обратимся к сфере *образования*. Постепенная формализация учебного процесса посредством компьютеризации и тестирования ведет к минимизации живого контакта между учителем и учеником, снижает эмоционально-смысловое влияние личности наставника на учащегося. Осуществляемая в рамках Болонского процесса интеграция образования, с одной стороны, способствует росту рисков и неопределенности в процессе формирования мировоззрения учащихся (поскольку формализованное и интегрированное образование осуществляется за счет и в ущерб воспитанию), а с другой стороны, провоцирует социальную безответственность (поскольку в самом учебном процессе педагога заменяет компьютер, а его гражданскую позицию – пресловутая толерантность). Внедрение практики тестирования (хотя бы на пример ЕГЭ) уже показало свои огрехи. Правомерно требование, согласно которому «интеграция должна осуществляться с сохранением и развитием достижений и традиций российской высшей школы, что закреплено в качестве одного из принципов государственной политики в сфере образования Федеральным законом “О высшем и послевузовском профессиональном образовании”»¹. В самой постановке вопроса (названии цитируемого доклада) заложен некий *оруэлловский* смысл. А ведь известно, что Дж. Оруэлл был прекрасным изобретателем *двоемыслия*, которое очень часто становится инструментом политики двойных стандартов, как в культуре, образовании, так и в иных сферах человеческой деятельности. Наше российское образование вроде бы, в соответствии с требованиями Болонской конвенции, должно *интегрироваться*, но не *с*, а *в* европейское образование. Но в такой редакции речь должна идти о *подмене понятий* (о чем мы уже упоминали) и об

---

¹ См.: Кислицына О.В. Международно-правовое обеспечение интеграции в Европейскую систему высшего профессионального образования // Формирование инновационного потенциала вузов в условиях Болонского процесса. Материалы Международ. науч.-методич. конф. г. Туапсе. 13-16 сентября 2007 г.). Тюмень, 2007. С.288.

элементарной ассимиляции, поглощении нашего образования, его традиций и достижений западноевропейской системой образования. Будет ли ответственным такое отношение к судьбе нашего образования? Вопрос риторический.

И здесь следует напомнить, что *оруэлловский* подход, используемый нашими чиновниками, заключается не только в двоемыслии; он также подразумевает создание *новояза*, т.е. придании словам нового смысла (читай, искажении их подлинного смысла, разрушении смыслового кода самого языка).

Как бы всем тем, кто сегодня увлекается идеями *педагогической рационализации* (термин Х. Ортега-и-Гасета), и *интеграции в образовании* не пришлось в скором будущем сожалеть о том, что, соблазнившись идеей международной конвертации отечественных дипломов и мечтами о свободном перемещении студенчества по всему миру, мы вырастали такое поколение людей, для которых понятие ответственности будет элиминировано идеями гедонизма. А нашим сторонникам Болонской конвенции следовало бы точнее разобраться в самом понимании сущности *инновационного образования* и роли Болонского процесса в развитии этого образования. А то, одни искренне утверждают, что, благодаря Болонскому процессу, в наших вузах наконец-то сформируется инновационный тип образования и учащиеся сами начнут заниматься творчеством (как будто до этого в наших вузах творчества не было!), а другие тут же заявляют о том, что «переход к инновационному образованию состоит не в поиске новой парадигмы, а в изучении особенностей и способов применения уже известных парадигм»¹.

Единство и борьба противоположностей, каковыми являются приведенные выше идеологемы, оказывает определяющее влияние на развитие социальной ответственности в современном российском обществе. Собственно, само развитие ответственности приобретает характер прогрессивного движения лишь тогда, когда люди начинают осознавать тот простой факт, что фетишизация экономических категорий и выражаемых ими хозяйственных благ представляет собой аберрацию сознания, при которой переворачивается вся система объективно сложившихся ценностей, разрушается подлинная их иерархия. Подобно кривому зеркалу экономизированное мышление превратно отражает объективную реальность: высшее подменяется низ-

---

¹ См.: Формирование инновационного потенциала вузов в условиях Болонского процесса. Тюмень, 2007. С.67 и др.

шим, частности возводятся в абсолют, коренным образом в мышлении меняется ранг абсолютных ценностей и т.д. И это разрушает, прежде всего, внутренний уровень ответственности человека (перед самим собой, перед своей человеческой сущностью). А тем самым постепенно разрушается и утрачивается сама человеческая сущность, на место которой приходит культ страстей, вакханалия инстинктов, диктат рефлексов. Начинается «пир во время чумы». Далее, разрушается и внешний уровень социальной ответственности – система взаимосвязей, которая соединяет одного человека с другими людьми. Данная система, детерминируемая извращенной иерархией деформированных ценностных ориентаций личности, начинает «барахлить»: она постепенно отдаляет (а затем и отчуждает) одного человека от других людей. Пользуясь словами Г. Маркузе, можно сказать, что «Принцип Удовольствия поглощает Принцип Реальности»¹. Для предотвращения подобного сценария развития необходимо совершенствование в первую очередь системы *трудовых отношений* в обществе и *трудового потенциала* самой личности. Труд есть родовая сущность человека, следовательно, совершенствуя эту сущность, любой субъект деятельности поступает строго ответственно. И наоборот, игнорируя необходимость такого совершенствования системы трудовых отношений или даже ухудшая ее, субъект поступает безответственно. И по отношению к самому себе и по отношению к другим людям, и по отношению к обществу в целом.

В современной литературе излагаются самые различные концепции совершенствования трудовых отношений. Одной из них является концепция группового сотрудничества, которая ориентирует на улучшение трудового взаимодействия, создание благоприятной психологической атмосферы в коллективе, содействие кооперации между работниками, сотрудничество работодателя и работника. Однако усиление *спекулятивного характера* современной российской экономики очевидным образом мешает реализации этой теоретической концепции. Рост слоя рантье – лиц, предпочитающих спекулировать на фондовых рынках ценными бумагами и жить на ренту, а также наличие огромного числа перекупщиков, получающих маржу с продаж и ничего ровным счетом не производящих, свидетельствует о том, что никакого *face-to-face* в наших условиях просто нет.

---

¹ Маркузе Г. Одномерный человек: Пер. с англ. М., 1994. С.93.

Другой интересной концепцией развития трудовых отношений является концепция гуманизации труда, его содержания и условий. В рамках этой концепции предлагаются различные эргономические усовершенствования, демократизация системы управления, совершенствование системы мотивации (например, переход от теории X, предполагающей использование санкций, к теории Y, предусматривающей поощрение и активизацию доверия в системе отношений работник – работодатель). Однако нарастающая бюрократизация во всех сферах жизнедеятельности общества весьма ограничивает возможности подобных новаций.

Поэтому совершенно логичной является появление третьей концепции развития трудовых отношений, связанной с *демократизацией управления*. Сторонники этой концепции призывают к решительному отказу от сложных управленческих структур, упрощению иерархии управления, передаче части полномочий управленцев самим работникам (практика *делегирования*), «а на основе этого – к культивированию самостоятельности и ответственности исполнителей за выполняемую работу»¹. Но при этом, как правило, подразумевается ответственность работника перед начальством, а не взаимная ответственность и не ответственность (хотя бы подотчетность) руководства перед коллективом (персоналом).

Ясно, что недостатком данной концепции является полное игнорирование идей *самоуправления* и подмена их идеями оперативно-хозяйственной самостоятельности. А ведь ответственности нельзя научиться по книгам или методическим пособиям. Ответственность не может быть виртуальной, она или есть реально, или ее нет. Фактически, понятие ответственности лежит в плоскости теории действия (акционизма). Следовательно, *возникновение и реализация ответственности неразрывно связаны с самоопределением, самоидентификацией, самоуправлением личности как субъекта социальных отношений*.

Обратим внимание на то обстоятельство, что и у нас и на Западе проблематика самоуправления постоянно подменяется идеями автономности. Так, представители Товистокского Института человеческих отношений (Великобритания) выделяют в качестве объекта управления так называемые *полуавтономные малые группы (responsible autonomy)*, способные «к ответственной самостоятельности». Но все равно и здесь речь идет об управлении, а не самоуправлении. А раз-

---

¹ Радаев В.В. Указ. соч. С.277.

ница здесь принципиальная: в системе управления работник всегда остается объектом внешнего воздействия, манипуляции со стороны менеджера; тогда как *в системе самоуправления объект и субъект такого влияния (воздействия) совпадают в одном лице* (в самом работнике), что кардинально меняет и само содержание данной функции (снимает ее манипулятивный характер и устраняет угрозу социального отчуждения), а тем самым и характер социальной взаимосвязи между людьми.¹

Развиваемые в рамках менеджериальной теории, современные взгляды на социальную ответственность страдают, на наш взгляд, определенной незавершенностью, которая состоит в следующем: пока есть система управления, всегда будет соблазн перебросить на кого-то часть собственной ответственности. Представления о том, что «начальству виднее» (или, как пел В. Высоцкий, «жираф большой ему видней») будут до тех пор неистребимы в нашем сознании, пока мы будем продолжать лелеять, развивать и совершенствовать управление, а не самоуправление. Полная, зрелая и эффективная социальная ответственность возможна *только на основе развития личностного самоуправления*, а никак не на почве каких-то делегирований или автономий. Конечно, это не означает тотального отказа от совершенствования самой системы управления и слепого отрицания возможностей применения переходных, частичных, незавершенных, полиморфичных систем социальной ответственности. Но идеализировать возможности построения высокоэффективной *системы* социальной ответственности исключительно на основе совершенствования *системы* управления людьми явно не следует. Мы специально выделили термин *система*, поскольку этим термином обозначается определенный, внутренне связанный, целостный процесс развития объекта². Если система социальной ответственности обладает такой характеристикой целостности, она не может быть растворена (сведена, отождествлена) в другой системе (в данном случае, системе управления). Когда же речь идет о самоуправлении, к ней неприменима категория системы, поскольку объект и субъект связи становятся тождественными, они совпадают друг в друге (*интерсубъектность*). Сам себя человек все-

---

¹ См.: Стожко К.П., Тарасова О.В., Новожилов А.Е. Маяков Н.Н. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург, 2005.

² См.: Категории диалектики. Теоретико-методологические проблемы / Под ред. И.Я. Лойфмана. Екатеринбург, 2003. С.99-100.

гда может побудить к определенным действиям ничуть не хуже, чем какой-либо профессиональный управленец. Но точно так же, как нельзя заставить человека быть счастливым или любить по предписанию, нельзя создать высокоэффективную систему социальной ответственности вне самоуправления.

Важным аспектом развития системы социальной ответственности является так называемая *договорная парадигма*. По мнению И. В. Лаврова, «эту парадигму в соответствии с институциональным направлением следует связывать с рациональной моделью поведения экономических агентов»¹. Однако, используя понятие *договорной парадигмы* (сам термин парадигма был введен Т. Куном), автор фактически сводит ее смысл к теории рациональных ожиданий, в соответствии с которыми человек, получая информацию, строго рационализирует свои действия. Информационная асимметрия рынка несколько не волнует И. В. Лаврова. Но ведь сплошь и рядом субъекты деятельности как раз и находятся в условиях информационной асимметрии и поэтому, строго говоря, просто не могут рационализировать свое поведение. Не следует при этом забывать и о конфликте интересов, который регулярно срывает попытки рационализации своего поведения. Отсюда встает вопрос о том, что же представляет собой договорная парадигма, которую отнюдь нельзя связывать исключительно с рациональным поведением субъектов?

В качестве примера приведем известную историю, описанную В. Гюго в романе «Отверженные», в котором рассказывается о том, как ограбленный вором епископ при очной ставке не только не признал факт кражи своего столового серебра, но и отдал жулику последние подсвечники. С точки зрения элементарно рационализма такие действия явно отклонялись от нормы. Но, в конечном счете, высшая рациональность оказалась обусловлена не расчетом, гедонизмом или прагматизмом священника, а его альтруизмом и милосердием. Он не только стал святым для беглого каторжника Жана Вальжана, но и определил всю дальнейшую его жизнь. Роман как раз и повествует о том, сколько добра принес бывший преступник многим людям и как он сам стал праведником благодаря только лишь одному поступку старого епископа. Не случайно, поэтому слова старика «я отдаю вам свое серебро, но спасаю вашу душу» так созвучны известному изре-

---

¹ Лавров И.В. Понимание и менталитет в экономическом поведении // Известия Уральского государственного университета. 2004. №9. С.111.

чению из Екклесиаста о том, что можно обрести весь мир со всеми его богатствами и благами, но потерять при этом собственную душу.

Ответственность часто оказывается тайной за семью замками для рационально мыслящего человека именно потому, что высший смысл такой ответственности – *человеколюбие, милосердие, солидарность* – ускользает от внимания и понимания гедониста. Дегуманизация социальных отношений в современном российском обществе, прагматизация общественной и личной морали определяют девальвацию ответственного отношения людей друг к другу как ценности. «Золотое правило этики» нарушается тем чаще, чем последовательнее мы рационализируем свое поведение. Ведь в строго смысле слова *ratio* означает выгоду, а выгода есть получение преимущества одним субъектом перед другими. *Совместная выгода* – понятие иррациональное (формальное), хотя и не эфемерное (реальное). Дело в том, что совместная выгода есть обретение преимуществ *всеми и для всех*, а значит ничто иное, как: 1) обретение преимуществ человеком по отношению к окружающей его среде (рост безопасности существования, повышение его комфортности, экологичности и т.д.); 2) устранение людьми необоснованных преимуществ (льгот и привилегий) друг перед другом. Совместная выгода, с точки зрения филологии, все равно что «сухая влага» – не то прилагательное, примененное не к тому существительному. Но, с точки зрения экономической теории и социальной философии, совместная выгода есть ни что иное, как подлинное равенство людей, по отношению к которому ответственность выступает *аттрактором* – системообразующим механизмом такого равенства. Пренебрегая пошлыми трактовками равенства как уравниловки, необходимо признать, что действительное и полное равенство людей вовсе не утопия, а вполне реальная перспектива социально-экономического и социокультурного развития людей, детерминированная степенью их взаимной ответственности. Рассуждения о невозможности равенства, связанном будто бы с различными природными и физиологическими данными каждого человека (объем грудной клетки, развитость мускулатуры, объем мозга и т.п.) или о допущении только равенства *возможностей*, но не результатов деятельности глубоко антинаучны.

Когда Аристотель рассматривал вопросы ответственности, равенства и выгоды, он сформулировал известный принцип *эквивалентного обмена* результатами деятельности. Именно *эквивалентный* характер такого обмена и составляет суть социальной ответственно-

сти людей. Смысл эквивалентности Аристотель усматривал не в количественных характеристиках обмена, не в равных частях обмениваемых продуктов, а в качественной стороне самой деятельности людей, а именно – во взаимной выгоде от обмена результатами такой деятельности.

Ясно, что количественные характеристики в процессе обмена могут не совпадать: получив бурдюк с водой в обмен на мешок с золотом, оба контрагента могут оказаться в выигрыше, окажись они, например, в степи или в пустыне. Точно также в современной деятельности людей возникают самые различные *экстерналии* – чрезвычайные ситуации, в которых осуществляются *транзакции* – операции обмена. Но эквивалентность от таких экстерналий и транзакций несколько не становится менее очевидной или эфемерной, даже если тонны, кубометры или аршины обмениваемых благ не совпадают. Если в основе такого обмена лежит взаимная выгода, то каким бы диковинным не казался каждый конкретный случай, он будет свидетельствовать о равенстве интересов и о социальной справедливости в обмене. Такова была и логика рассуждений Аристотеля.

Естественно, для того, чтобы обмен был равноценным (равнозначным), он должен осуществляться на основе свободы выбора, без принуждения (насилия), без обмана (полноценная информация). Следовательно, обеспечение всех этих условий как раз и составляет содержание социально ответственного поведения людей как субъектов хозяйственной деятельности.

Ранее, мы уже выделяли научные принципы формирования социальной ответственности личности: *принцип согласования интересов* (или известная идея «общественного договора» Ж. Ж. Руссо), *принцип благожелательности* (или «золотое правило этики», сформулированное И. Кантом), *принцип эквивалентного обмена* результатами деятельности (предложенного Аристотелем) и *принцип сохранения природы и человечества* (Г. Йонаса). Если мы соотнесем эти *принципы* с разными *уровнями* социальной ответственности (по отношению к самому себе, к другому человеку, к обществу в целом, и к природе), то становится вполне возможным конструирование теоретико-методологической матрицы развития социальной ответственности и научного анализа основных тенденций такого развития:

Таблица 1.

Матрица социальной ответственности

Принципы Уровни ответственности	1 уровень Ответственность человека к самому себе	2 уровень Ответственность человека к другому человеку	3 уровень Ответственность человека к об- ществу	4 уровень Ответственность человека к при- роде
принцип согласования интересов (Ж.Ж. Руссо)	А	В	С	Д
принцип благожелательности («Золотое правило этики»)	Е	F	G	Н
принцип эквивалентного обмена (Аристотель)	И	J	К	L
принцип сохранения природы и человечества (Г. Йонаса)	М	N	О	Р

Так, в случае, когда личность ориентируется в своих действиях и поведении на принцип благожелательности, то ответственность человека по отношению к самому себе формирует вариант социальной ответственности, который условно можно обозначить моделью Е. Социальная ответственность личности в этом случае проявляется в сформированном самоуважении (достоинстве, даже гордости) человека, в поиске им оптимальных путей саморазвития, в стремлении к внутренней гармонии и в построении конструктивного диалога самим с собой. Однако вместе с тем, выше лежащие уровни ответственности (к другому – F (взаимоуважение), обществу – G (добросовестность), природе – H (бережное отношение)), у него могут быть, сформированы частично, или не сформированы вовсе. Или, скажем личность, следуя принципу сохранения человечества на уровне ответственности перед природой, конструирует модель социальной ответственности, в которой экологически чистые технологии и методы производства, становятся определяющими при выборе способов хозяйствования.

Думается, что человек выбирает те модели социальной ответственности, которые считает приемлемыми и наиболее важными для самого себя или окружения, причем комбинации этих вариантов у личностей могут быть различными и меняться с течением времени.

Естественно, что данная матрица носит весьма и весьма условный характер, и возможно конструирование и других матриц, например, на основе сопоставления десяти христианских заповедей (которые также можно рассматривать как принципы ответственного поведения человека) и не четырех, а, скажем, пяти уровней социальной ответственности (если добавить сюда еще и религиозный уровень ответственности). Тогда вместо 16 вариантов (моделей) социальной ответственности мы получим 50 потенциально возможных ее вариантов (моделей).

Здесь мы вступаем в область *практической философии* (термин И. И. Лапшина) и наше философское изобретательство будет целиком и полностью зависеть от выбранных критериев для его осуществления. Выделяя три основных пути философского изобретательства (рационализм, мистицизм и эмпиризм), И. И. Лапшин, как известно, особое внимание уделял расширению комбинационного поля творческой фантазии¹. В этом поле возможно выявление не только реально сложившейся конкретной системы социальной ответственности, но и ее идеальной, *интенциональной* модели. Если, например, мы будем отталкиваться при анализе социальной ответственности личности от десяти христианских заповедей, регламентирующих поведение верующих, то методика анализа будет выглядеть как логическая цепочка шагов: 1) с помощью анкетирования можно предложить выстроить десять заповедей в порядке убывания их значимости для конкретного респондента; 2) по результатам анкетирования выявить предпочтения и удельное значение каждой заповеди в поведении и сознании личности; 3) сравнить полученные результаты с той последовательностью, которая предложена в Библии, переводя библейскую последовательность на язык чисел (удельных значений: баллов, процентов и т.д.). Полученное отклонение как раз и будет показывать степень зрелости системы социальной ответственности личности, которая, в случае полного совпадения с библейской иерархией заповедей, будет равной единице (или ста процентам).

---

¹ См.: Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии. М., 1999. С.247 и др.

Подобную формализацию на основе анкетирования можно провести и с другими (небиблейскими) принципами, в том числе и в сфере хозяйственной деятельности, соотнося, например, мотивы извлечения прибыли и ее максимизации с мотивами безопасности, стабильного развития, рисков, креативности и т.п. Идея о том, что «не хлебом единым жив человек» находит свое отражение в различных комбинациях экономических, социальных и духовных характеристик, мотивирующих хозяйственную деятельность человека.

При этом необходимо помнить, что формализация социальной ответственности может быть не только *эмпирической* (полученной на основе опыта самих респондентов), но и *казуистической* (т.е. полученной на основе опыта других). Хорошо известна поговорка о том, что опыт родителей, к сожалению, не указ для детей. Так же обстоит дело и с опытом одних поколений по отношению к другим: каждое новое поколение предпочитает осваивать окружающий его мир самостоятельно (заново) и пренебрегает опытом (традицией), доставшимся им в наследство от прошлого. А поскольку правовое регулирование осуществляется, как правило, старшим поколением, то правовая регламентация социальной ответственности как раз и является во многом казуистической, поскольку законы принимают одни, а выполнять их приходится другим. В этой связи вспоминается остроумная шутка Н. М. Карамзина по поводу того, что «суровость российских законов оправдывается возможностью их не исполнять». И дело тут не в неграмотности или простом нежелании граждан соблюдать законы, а в том, что последние часто просто не соответствуют интересам самих граждан.

Отсюда следует, что если *такой* закон носит антинародный (антисоциальный) характер и принят кучкой коррумпированных депутатов (лоббирован), то его исполнение как раз и становится антисоциальным. И наоборот, если *такой* закон наталкивается на оппозиционное поведение граждан, он рано или поздно будет пересмотрен или отменен. Следовательно, оппозиция становится формой социального поведения личности. Но как же тогда быть с уголовным и административным преследованием за невыполнение законов? Отменять такое преследование вроде бы нельзя, а сохранять его – тем более. Возникает своеобразная *институциональная ловушка* (термин академика В. Полтеровича), в которой оказывается не только сама личность, но и общество в целом. Такие ловушки являются детонатором общественного сознания и поведения, вызывая революционные потрясения.

Чтобы этого не происходило, необходимо устранять келейность и бюрократизм в разработке и принятии законов, регламентирующих поведение людей. Соответствие поведения человека закону вовсе не есть ответственность, поскольку закон и справедливость – разные понятия. Социально ответственным будет такое поведение, которое соответствует демократически принятым законам, отражающим интересы и опыт сегодняшнего, а не вчерашнего дня. Опыт прошлого может оказывать воздействие на современность через традиции, роль которых огромна¹. Но традиции, как известно, не являются юридической нормой, хотя и выступают важным социокультурным регулятором, детерминирующим наше поведение. Что же касается законов, то они представляют собой совершенно особые «правила игры» или, как выразился известный экономист и социолог Д. Норт, «ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»². В строгом соответствии с классической институциональной теорией, юридические нормы также необходимо принимать и разрабатывать *ответственно*, что означает необходимость их *согласования* в процессе разработки и принятия, и *приведения в соответствие* с объективным интересам общества. Декларативность многих современных законов и казуистическая их *транспарентность* интересам граждан как раз и является свидетельством отсутствия такой (реальной) социальной ответственности конкретных законодателей в их разработке и принятии. Никакие прокурорские проверки и судебные разбирательства не смогут сделать поведение граждан социально ответственным, поскольку касаются как раз *последствий* нарушения такой ответственности (или точнее, законопослушности), а не ее причин, не предпосылок. Для устранения же причин безответственности необходимо создавать законодательную базу, регламентирующую поведение людей, исходя из требований «*заземленной теории*» (*grounded theory*), которая строится методом индукции из совокупности эмпирических данных. В контексте этой теории «*заземленная политика*» означает ориентацию на цели, значимые прежде всего для рядовых экономических и социальных субъектов»³.

---

¹ См.: Шабатура Л.Н. Социогенез традиции. Екатеринбург, 2003; Она же. Онтогенез традиции. Екатеринбург, 2002.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С.17.

³ См.: Институциональная экономика / Под ред. А. Олейника. М., 2005. С.21.

Представляется, что преодоление указанной *институциональной ловушки* лежит не в области *теории рациональных ожиданий*, а в плоскости более адаптированной и взвешенной *теории общественного выбора* (*public choice theory*), суть которой состоит в том, что общество, используя различные способы и методы, *не* служит государству, а *подчиняет* его своим интересам. Правовое государство служит гражданскому обществу, а никак не наоборот. Социальная ответственность личности, таким образом, становится ключевым фактором формирования и развития свободы человека. Вне такой ответственности свобода превращается в анархию или, наоборот, в деспотию. Любые формальные и неформальные институты (правила внешнего и внутреннего поведения, общественное и «частное» право, различные неформальные установки – традиции, обычаи, ритуалы, процедуры) должны быть подчинены главной цели – *формированию целостной и социально ответственной личности*.

Если мы предположим, что с помощью философской реконструкции возможно разработать идеальную для конкретных условий модель социальной ответственности личности, то тем самым мы признаем высокую практическую функцию философского знания. Представляется, что на этом направлении как раз и будут в ближайшее время сконцентрированы усилия исследователей, занимающихся анализом феномена социальной ответственности. Однако такая теоретико-методологическая реконструкция неизбежно ставит перед психикой и сознанием человека проблемы *эмпатии* и идентификации. Под *эмпатией* обычно подразумевают «умение войти внутрь личного мира значений другого человека и увидеть правильно ли мое понимание»¹. *Идентификация* есть уподобление себя другому, когда человек ставит себя на место другого и определяет, как бы он действовал в конкретной ситуации на месте другого человека. Иными словами, «это уже не просто знание другого, но знание того, как другой понимает меня, т.е. своеобразный удвоенный процесс зеркального отражения друг друга»². Но, чтобы поставить себя на место другого, а тем более принять интересы другого как свои, сперва нужно *захотеть*, т.е. проявить *эмпатию*. А. Смит в своей книге «Теория нравственных чувств», как следует из его логики изложения данной теории, выводил *эмпатию из симпатии*, *симпатию – из любви*, а *любовь – из добродетели*.

---

¹ Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии. М., 1986. С.57.

² См.: Социальная психология и этика делового общения / Под ред. В.Н. Лавриненко. М., 1995.

телей человека (человеколюбия и доброжелательности), данных ему от Бога. Естественно, следовательно, что только двумя этими проблемами (способностями к идентификации и эмпатии) не исчерпывается философская реконструкция социальной ответственности, поскольку, как признавал А. Смит, для достойного существования равно необходимы также симпатия, человеколюбие, доброжелательность и некоторые другие составные компоненты гуманистического отношения человека к себе и к другим. Но именно *эмпатия* и *идентификация* позволяют перевести философское теоретизирование о сущности, структуре и содержании феномена социальной ответственности личности в поле *прикладной* (выражаясь языком И. И. Лапшина) *философской реконструкции*, а тем самым и в плоскость социально-эмпирического моделирования.

Итак, коротко обобщая выше сказанное, можно сделать следующие выводы:

- Анализ современного состояния социальной ответственности показывает, что во многих сферах жизнедеятельности современного российского общества происходит *обезличивание, отчуждение* субъектов социальных взаимосвязей друг от друга (например, в сфере хозяйствования, образования и пр.), хотя взаимодействие субъектов должно происходить на личностном уровне, *face-to-face*, т.е. лицом к лицу, через близкое общение (взаимодействие).

- Как естественное продолжение процесса обезличивания и отчуждения субъектов социальных взаимосвязей происходит *девальвация* системы социальной ответственности, проявляющаяся в идеологии максимизации прибыли, стремление к наживе, промышленный шпионаж, конфронтации, в основе которой лежит оппортунистское поведение, или формализации учебного процесса посредством компьютеризации и тестирований, где понятие ответственности может быть элиминировано идеями гедонизма.

- Данные процессы, при которых переворачивается вся система объективно сложившихся ценностей, оказывает влияние на развитие социальной ответственности в современном российском обществе, что разрушает, прежде всего, внутренний уровень ответственности человека (перед самим собой, перед своей человеческой сущностью), а далее, и внешний уровень социальной ответственности – систему взаимосвязей, которая соединяет одного человека с другими людьми.

- Дабы остановить вышеназванные процессы необходимо совершенствование системы трудовых отношений, связанной с демо-

кратизацией управления; договорной парадигмы, которая сводится не только к рациональному поведению субъектов, но к человеколюбию, милосердию, солидарности; развитие и совершенствование самоуправления (а так же, самоопределения и самоидентификации) как субъекта социальных отношений.

- Совместная выгода – понятие обретения преимуществ всеми и для всех (по отношению к окружающей его среде, и друг к другу), есть подлинное равенство людей, а ответственность есть системообразующий механизм этого равенства.

- Конструирование теоретико-методологической матрицы развития социальной ответственности (принципов ответственности с разными уровнями социальной ответственности) дает возможность научного анализа основных тенденций и потенциально возможных вариантов (моделей) социальной ответственности, что выводит проблему в область практической философии, где все зависит от выбранных критериев. Потому с помощью *эмпирической* (полученной на основе опыта самих респондентов) формализации, становится возможным выявление идеальной или интенциональной модели социальной ответственности, реально сложившейся системы социальной ответственности личности и степень ее зрелости.

- Полученная на основе опыта других (*казуистическая*) формализация на которой строится, например, правовая регламентация социальной ответственности, должна быть *приведена в соответствие* с объективным интересам общества, с помощью *теории общественного выбора* (ориентация на цели, значимые для рядовых экономических и социальных субъектов) и *«заземленной теории»* (где общество, используя различные способы и методы, не служит государству, а *подчиняет* его своим интересам), так как социально ответственным является такое поведение, которое соответствует демократически принятым законам, отражающим интересы и опыт сегодняшнего, а не вчерашнего дня.

- *Прикладная философская реконструкция* сущности, структуры и содержания феномена социальной ответственности личности должна основываться на *эмпатии* (умение войти внутрь личности другого человека), *идентификации* (умение ставить себя на место другого), *человеколюбии*, *доброжелательности* и некоторых других составных компонентах гуманистического отношения человека к себе и к другим.

А приобретается такое умение через *духовный и интеллектуальный труд*, через развитие в самом себе стремления быть ответственным. Не *иметь* лишь представления о ней, а именно *быть* ответственным (известная дилемма Э. Фромма «*иметь и быть*», в контексте исследуемой нами проблемы, получает новое наполнение).

Для актуализации социальной ответственности личность должна развивать свой трудовой потенциал. Не ограничиваясь получением профессиональных навыков и умений, а, стремясь освоить инструментарий духовного производства (мышление, рассуждение, анализ, обобщение и т.д.), личность развивает свой трудовой потенциал в том смысле, что становится социально компетентной – способной к самостоятельному поиску, формулированию и применению аксиологических установок (ценностей). Именно трудовой потенциал выступает как «совокупность ресурсов и возможностей, непрерывно формируемых в процессе всей жизни личности, реализуемых в трудовом поведении и определяющих реальную плодотворность»¹. Трудовой потенциал делает человека причиной собственного благополучия и благополучия других людей и включает (помимо психофизиологического уровня) и определенные ценностно-ориентационные компоненты. К ним относятся: «целевое ядро», установки, потребности и запросы, мотивы и направленность, нравственные ориентиры и уровень социальной зрелости. Чувства и эмоции, трудолюбие и честолюбие². Раскрывая подробно содержание всех этих компонент, Н.И. Шаталова, тем не менее, совершенно неожиданно делает следующее умозаключение: «Является ли трудовым потенциалом система качеств, обеспечивающая преступнику его успешное преступное поведение? Да, является»³. Автор видимо запомнил, что трудом называется целесообразная и *общественно-полезная* деятельность людей по созданию новых благ. Воровство же есть элементарное перераспределение уже имеющихся благ нетрудовым (общественно вредным и потому наказуемым) путем.

При трактовках трудового потенциала и трудовых свойств личности, приведенных выше, ни о какой социальной ответственности, естественно, говорить уже не приходится. Требуется серьезное переосмысление самого характера *социокультурной интеграции*, в рамках которой происходит сегодня развитие социальной ответственности

---

¹ Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника. М., 2003.С.7.

² Там же. С.16.

³ Там же. С.28.

личности и отношения (понимания) к трудовому потенциалу, который необходим для формирования такой ответственности.

Следует также различать *формальную* и *реальную* социокультурную интеграцию. Формальная интеграция представляет собой тенденцию к унификации культуры и утрате самобытности. Ясно, что при такой тенденции сама социальная ответственность личности формируется не ею самой и не под влиянием корневых ценностей, а под чужеродным, чужеземным влиянием, задается извне. Нечего удивляться тому, что такие модели социальной ответственности просто не работают в наших условиях. Ведь не случайно же говорят, «что для хохла сало – то для свиньи смерть». Отторжение нашим обществом отдельных импортных представлений о сущности и содержании социальной ответственности обусловлено совершенно иной иерархией ценностных ориентаций россиян. Слепые *заимствования* в сфере социокультурного взаимодействия столь же вредны, как и социокультурный *ревайализм*. И здесь необходимо обратиться к *реальной* интеграции, смысл которой состоит во взаимном обогащении культур, а, следовательно, в общем совершенствовании как самих представлений о социальной ответственности личности, так и ее реального наполнения. Конвергенция культур, основанная на принципах комбинирования, оптимизации, дополняемости, не ведет к ассимиляции, поскольку результатом такой реальной интеграции является формирование паритета различных ценностных ориентаций и самостоятельного их выбора личностью и обществом.

Формирование и развитие современной системы социальной ответственности личности должно осуществляться не наскоком, а в контексте динамики самой социокультурной интеграции, которая проходит, как известно, ряд этапов: 1) первый этап связан с обозначением зоны для социокультурного сближения; 2) второй этап предполагает выработку общих мер по развитию феномена социальной ответственности и единых подходов к этому вопросу (при возможности сохранения специфических характеристик); 3) третий этап представляет собой начало практического формирования самой системы социальной ответственности личности (через технологии и методики образования и воспитания); 4) последний этап социокультурной интеграции связан с выработкой общих (единых) *санкций* за нарушение требований социальной ответственности, и формированием общих (единых) *инстанций*, в компетенцию которых входит применение (или не применение) таких санкций.

Последние два этапа могут включать определенные подэтапы, связанные со спецификой той или иной социокультурной группировки. Так, в рамках англосаксонской традиции социокультурное сближение осуществляется существенно быстрее и проще, чем в случае взаимодействия католических и исламских стран или в случае взаимодействия бывших метрополий и их бывших колоний и т.д. Эта специфика находит свое отражение на личностном уровне, поскольку носителем социальной ответственности, как бы это не показалось странным на первый взгляд, выступают не общественные *институты* (не законы, которые могут личностью не выполняться, не армия, которая может нарушить присягу, не власть, которая может денонсировать условия *общественного* договора), а именно *личность*. Диалектика социокультурной интеграции состоит не только в переходе от прошлого к будущему (модернизация, осуществляемая благодаря такой интеграции), но и в переходе от менее совершенного к более совершенному, объективно лучшему. И сохранение самобытности в понимании и моделировании социальной ответственности личности конгруэнтно самобытности самой национальной или полинациональной культуры, а, значит, выступает необходимым элементом культурного достояния каждого конкретного общества, требующим сохранения в новой интегрированной социокультурной реальности. В случае возникновения конфликта между традицией и модернизацией, между корневой культурой и культурными ценностями иных социумов-этносов личность должна делать выбор в пользу первых. Поскольку они представляют результат огромного исторического опыта развития своего народа, постольку они объективно более адаптивны и операциональны для каждой конкретной личности, составляющей этот народ. Неслучайно в связи с этим митрополит Иоанн писал, что «в основании западничества как религиозного и культурного явления, как болезни русского национального самосознания лежат причины, прежде всего, духовного, мистического характера»¹. Да и задолго до этих слов были произнесены другие: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» (Евангелие от Матфея.7.15).

Естественно, что социокультурная интеграция осуществляется между традицией и инновацией, консерватизмом и модернизмом. «Принципиальное свойство традиции в том и состоит, чтобы обеспечить сохранение прошлых образцов через устранение, ограничение

---

¹ Иоанн, митрополит. Русская симфония. СПб., 2002. С.147.

новшеств как отклонений. Но во всякой культуре существует некое динамическое соотношение традиционности, благодаря которой поддерживается стабильность, и инноваций или заимствований, через которые общество изменяется»¹. Все бы в этом утверждении было прекрасно, если бы не сведение инновации к заимствованиям! Как будто «всякая культура» (термин Б. С. Ерасова), если это действительно есть культура, не в состоянии *самостоятельно* осуществлять свою модернизацию, обновление без заимствований! Как будто есть культуры «первого сорта», миссия которых нести культурам «второго сорта» просвещение и обновление, а последним – слепо принимать и благодарить представителей «передовых» культур! Такая идеология чем-то напоминает идеологию колонизаторов и конкистадоров эпохи средневековья. Но вся проблема в том, что такая постановка вопроса о развитии культуры и социокультурной интеграции содержится не в импортированных к нам сочинениях зарубежных идеологов социокультурной экспансии, а в одном из наиболее авторитетных отечественных учебников по культурологии!

Преодоление подмены понятий и уничижительного отношения к ценностям своей, корневой культуры является для любого социума этноса *генеральным* условием формирования эффективной системы социальной ответственности личности, укрепления своего собственного «культурного ядра». Обскурантизм же является ненаучным приемом, в результате применения которого наступает время «*собирать камни*»; как гласит народная мудрость, «что имеем – не храним, потерявши – плачем». И эта мудрость – тоже культурная ценность, имеющая вполне праксиологическое значение и назначение для формирования и развития социальной ответственности личности, которой следует при осуществлении своего выбора, своей ценностной ориентации (самоидентификации) «*семь раз отмерить, и только один раз отрезать*».

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Перунова Н.В., Филатов В.И.

Известно, что воспитание является необходимым фактором постоянного воспроизводства культуры. Однако перед нами встает ряд вопросов: как соотносится воспитание, представленное конкретными

---

¹ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996. С.295.